

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-353-361

НОВОЖИЛОВ Илья Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
тел. кафедры: +7(343)251-76-67,
e-mail: il.novozhilov@yandex.ru

Научный руководитель:
ЧОРНОВОЛ Евгений Петрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Аннотация. В статье исследуется юридическое опосредование интересов третьих лиц при осуществлении корпоративных прав участников коммерческих корпораций. Разграничиваются интерес третьего лица, принадлежность субъективного корпоративного права и порядок его осуществления. Договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [11] (далее по тексту – «ГК РФ»), рассматривается как наиболее определенная нормативная модель соответствующего опосредования. Обосновывается, что в рамках данной конструкции интерес третьего лица приобретает юридическое значение посредством обязательственной связи с участником, не изменяющей субъектной принадлежности корпоративного права. Для характеристики взаимодействия обязательственного и корпоративного правоотношений используется понятие «межправоотношенческое воздействие». Разграничиваются добровольно принятое участником договорное ограничение способа осуществления корпоративного права и более интенсивное воздействие, предполагающее возможность третьего лица определять последующее корпоративное поведение участника. Определяются основные пределы юридического опосредования интереса третьего лица, связанные с характером гражданско-правового основания воздействия, охраняемым законом интересом, содержанием и интенсивностью возникающей связанности, корпоративными обязанностями участника, требованиями добросовестности и запретом злоупотребления правом.

Ключевые слова: корпоративные права; осуществление корпоративных прав; коммерческие корпорации; третьи лица; интерес третьего лица; охраняемый законом интерес; юридическое опосредование; корпоративный договор; межправоотношенческое воздействие; договорное ограничение; автономия воли; добросовестность; злоупотребление правом.

Для цитирования: Новожилов И. С. Юридическое опосредование интересов третьих лиц при осуществлении прав участников коммерческих корпораций // Образование и право. 2026. № 10. С. 353–361.

NOVOZHILOV Ilya Sergeevich,
postgraduate student of the Department of Civil Law
and Procedure,
Ural Institute of Management
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

Scientific supervisor:
CHORNOVOL Evgeniy Petrovich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

LEGAL MEDIATION OF THIRD-PARTY INTERESTS IN THE EXERCISE OF THE RIGHTS OF MEMBERS OF COMMERCIAL CORPORATIONS

Annotation. The article examines the legal mediation of third-party interests in the exercise of corporate rights by members of commercial corporations. It distinguishes between a third party's interest, the entitlement to a subjective corporate right, and the manner in which that right is exercised. The agreement provided for in paragraph 9 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation is considered the most clearly defined statutory model of such mediation. It is argued that, within this model, a third party's interest acquires legal significance through an obligational relationship with the corporate member, without affecting the entitlement to the corporate right itself. To characterize the interaction between the obligational and corporate legal relationships, the concept of "inter-relational legal influence" is used. A distinction is drawn between a contractual restriction on the manner of exercising a corporate right voluntarily assumed by a member and a more intensive form of influence whereby a third party is able to determine the member's subsequent corporate conduct. The principal limits of the legal mediation of a third party's interest are identified with reference to the nature of the civil-law basis for such influence, the legally protected interest involved, the content and intensity of the resulting legal constraint, the member's corporate duties, the requirement of good faith, and the prohibition of abuse of rights.

Key words: corporate rights; exercise of corporate rights; commercial corporations; third parties; third-party interest; legally protected interest; legal mediation; corporate agreement; inter-relational legal influence; contractual restriction; autonomy of will; good faith; abuse of rights.

For citation: Novozhilov I. S. Legal mediation of third-party interests in the exercise of the rights of members of commercial corporations. *Education and law*. 2026;(10):353–361. (In Russ.).

Введение

Развитие договорных механизмов регулирования корпоративных отношений обуславливает необходимость исследования случаев, в которых осуществление прав участника коммерческой корпорации юридически связывается с интересом лица, не являющегося носителем соответствующего права. Такая ситуация требует разграничения принадлежности корпоративного права и возможности иного субъекта воздействовать на порядок его осуществления. Само наличие у кредитора, инвестора, залогодержателя либо иного лица экономической заинтересованности в определенном корпоративном поведении участника еще не определяет юридического значения такого интереса; последнее возникает при наличии предусмотренной или допускаемой гражданским правом формы

его опосредования.

Теоретические предпосылки исследования указанной проблемы сформированы в работах, посвященных категории интереса и осуществлению корпоративных прав. И. Е. Пономаренко разграничивает интерес и правовой интерес, связывая приобретение интересом правового качества с его включением в сферу юридического регулирования [6, с. 95-100]. А. Ю. Романов рассматривает интерес во взаимосвязи с потребностями субъекта и юридически значимым поведением, направленным на получение определенного блага [7, с. 19-23]. Проблематика осуществления корпоративных прав и их договорного регулирования исследуется И. А. Самойловым [8, с. 166-180], В. В. Долинской [2, с. 10-19], Е. В. Богдановым [1, с. 54-60]. Отдельные вопросы участия третьих

лиц в договорном регулировании корпоративного поведения рассматриваются А. А. Маркеловой [3, с. 33-35], К. А. Миннуллиной и Е. П. Татариновой [4, с. 74-79], Е. А. Чирковой [10, с. 34-41].

Вместе с тем, сохраняется необходимость системного объяснения того, каким образом самостоятельный интерес лица, не являющегося носителем конкретного корпоративного права, приобретает юридическое значение для порядка осуществления этого права. Разрешения требует вопрос о правовой связи между субъектом внешнего интереса и участником корпорации, а также о пределах, в которых обусловленность корпоративного поведения интересом иного лица совместима с сохранением за участником принадлежащего ему права.

Наиболее определенное нормативное выражение рассматриваемая проблема получила в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, допускающем заключение кредиторами общества и иными третьими лицами договора с участниками хозяйственного общества, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких лиц обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления. Действующая редакция нормы прямо предусматривает, в частности, возможность установления обязанности голосовать определенным образом, согласованно совершать иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли (акции) либо воздерживаться от их отчуждения.

В рамках настоящего исследования договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, рассматривается как наиболее определенная нормативная модель юридического опосредования интереса третьего лица при осуществлении прав участника коммерческой корпорации. Выводы, сформулированные на основе анализа данной конструкции, используются для выявления общих признаков исследуемого гражданско-правового механизма.

Цель исследования состоит в определении содержания юридического опосредования интереса третьего лица при осуществлении прав участника коммерческой корпорации и установлении пределов соответствующего воздействия. Для достижения данной цели необходимо разграничить интерес третьего лица и субъективное корпоративное право, определить правовую форму приобретения внешним интересом юридического значения, раскрыть взаимодействие возникающей обязательственной связи с корпоративным правоотношением и установить критерии допустимости обусловливания корпоративного поведения участника интересом иного субъекта.

Методологическую основу исследования со-

ставили методы анализа, синтеза и системного исследования, а также формально-юридический и сравнительный методы. Формально-юридический метод применен при анализе конструкции, закрепленной п. 9 ст. 67.2 ГК РФ; системный – при установлении взаимосвязи интереса третьего лица, гражданско-правовой формы его опосредования и осуществления права участника; сравнительный – при сопоставлении доктринальных подходов к правовой природе договорного воздействия третьих лиц на корпоративное поведение. Исследование ограничено юридически значимым воздействием на осуществление прав участника; фактическое экономическое влияние, не получившее гражданско-правового опосредования, рассматривается только в целях его отграничения от исследуемого явления.

Интерес третьего лица в механизме осуществления корпоративного права

Исследование юридического опосредования интересов третьих лиц предполагает разграничение интереса, субъективного корпоративного права и порядка его осуществления. Фактическая заинтересованность лица в деятельности корпорации либо в принятии определенного корпоративного решения сама по себе не свидетельствует о принадлежности ему корпоративного права и не создает юридической связанности участника.

В юридической литературе категория интереса характеризуется неоднозначно. И. Е. Пономаренко разграничивает интерес и правовой интерес, связывая приобретение интересом правового качества с его включением в сферу правового регулирования [6, с. 96]. А. Ю. Романов рассматривает интерес во взаимосвязи с потребностью субъекта и юридически значимым поведением, направленным на получение определенного блага [7, с. 20-21]. Применительно к исследуемой проблеме данные подходы позволяют исходить из того, что наличие интереса третьего лица еще не означает существования у него субъективного корпоративного права либо юридической возможности определять порядок его осуществления.

Необходимость такого разграничения обусловлена спецификой корпоративных правоотношений. С. Ю. Филиппова и И. С. Шиткина относят отношения, связанные с участием в корпорации, к гражданско-правовым, тогда как отношения, возникающие в связи с управлением корпорацией, дифференцируют в зависимости от их правовой природы [9, с. 3]. Следовательно, отсутствие корпоративного статуса не исключает возникновения у иного лица юридически значимого интереса в определенном поведении участника.

При этом понятие третьего лица требует уточнения. В п. 9 ст. 67.2 ГК РФ кредиторы и

иные третьи лица противопоставлены участникам хозяйственного общества. Данное нормативное значение не должно смешиваться с более широким функциональным пониманием третьего лица относительно конкретного субъективного права. Для целей настоящего исследования под третьим лицом предлагается понимать субъекта, не являющегося носителем того корпоративного права участника, на порядок осуществления которого направлено соответствующее юридическое воздействие, и обладающего самостоятельным интересом в определенном способе его осуществления. Такое определение используется исключительно как аналитическая конструкция и не направлено на изменение содержания категории «третьи лица», закрепленной в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ.

Ключевое значение имеет разграничение принадлежности корпоративного права и способа его осуществления. И. А. Самойлов рассматривает осуществление корпоративных прав участников коммерческих корпораций как самостоятельный предмет правового регулирования и указывает на возможность использования договорных средств при определении порядка их реализации [8, с. 166-180]. Изменение или ограничение способа осуществления права вследствие гражданско-правовой связанности его носителя не означает само по себе изменения субъектной принадлежности соответствующего права.

В связи с этим влияние интереса третьего лица следует отличать от двух смежных явлений. При фактическом воздействии на мотивы поведения участника отсутствует юридическая обязанность осуществить право определенным образом. При переходе корпоративного права изменяется его носитель. В исследуемой конструкции корпоративное право сохраняется за участником, однако порядок его осуществления юридически обуславливается самостоятельным интересом иного лица.

Для характеристики данного явления предлагается использовать понятие «юридическое опосредование интереса третьего лица», под которым в настоящем исследовании понимается возникновение предусмотренной либо допускаемой гражданским правом юридической связи, вследствие которой самостоятельный интерес третьего лица приобретает правовое значение для определения способа осуществления или неосуществления корпоративного права его носителем.

Таким образом, юридически значимое влияние интереса третьего лица предполагает наличие трех взаимосвязанных элементов: корпоративного права участника, самостоятельного интереса третьего лица и гражданско-правового основания, связывающего данный интерес с порядком

осуществления права. Сам по себе внешний интерес не изменяет принадлежность корпоративного права и не создает обязанности его носителя. Такое значение возникает вследствие юридического опосредования, конкретные формы которого подлежат дальнейшему рассмотрению.

Договорное опосредование интереса третьего лица при осуществлении корпоративных прав

Выделение юридического опосредования интереса третьего лица предполагает установление гражданско-правовой формы, посредством которой внешний интерес приобретает значение для осуществления права его носителем. Наиболее определенно такой механизм выражен в договорном регулировании корпоративного поведения.

Связь корпоративного договора с осуществлением субъективных корпоративных прав получила отражение в цивилистической доктрине. В. В. Долинская характеризует корпоративный договор как договорную конструкцию, опосредующую корпоративные отношения [2, с. 10]. Е. В. Богданов характеризует корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении либо неосуществлении субъективных корпоративных прав, заключение которого предполагает добровольное ограничение участником свободы их индивидуального осуществления [1, с. 54-60]. Данные подходы позволяют рассматривать договор не как основание передачи корпоративного права, а как средство определения порядка его осуществления.

Специальная модель договорного опосредования интереса лица, которому соответствующее корпоративное право не принадлежит, закреплена в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. В соответствии с данной нормой кредиторы общества и иные третьи лица могут заключить с участниками хозяйственного общества договор, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких лиц обязуются осуществлять корпоративные права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления. К возможному содержанию такой обязанности отнесены, в частности, голосование определенным образом, согласованное совершение иных действий по управлению обществом, приобретение или отчуждение долей (акций), а также воздержание от их отчуждения. К указанному договору соответственно применяются правила о корпоративном договоре. Данная редакция п. 9 ст. 67.2 ГК РФ является действующей.

Конструкция п. 9 ст. 67.2 ГК РФ непосредственно разграничивает субъекта охраняемого законом интереса и носителя корпоративного права. Третье лицо становится стороной обязатель-

ственной связи с участником, тогда как корпоративное право продолжает принадлежать последнему. Юридический эффект договора заключается в возникновении обязанности участника относительно способа осуществления принадлежащего ему права, а не в переходе этого права к третьему лицу.

А. А. Маркелова рассматривает соответствующую конструкцию прежде всего как средство обеспечения интересов кредиторов и относит к возможным условиям такого договора ограничения, касающиеся принятия решений о реорганизации, ликвидации, отчуждении существенной части активов и выхода участника из общества [3, с. 33]. К. А. Миннуллина и Е. П. Татарина также связывают договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, с защитой интересов кредитора и возможностью внешнего воздействия на отдельные аспекты корпоративного поведения участника [4, с. 75–76].

Правовая квалификация такого соглашения в доктрине остается дискуссионной. Е. А. Чиркова указывает на существование подхода, ограничивающего субъектный состав корпоративного договора участниками корпорации, и подхода, допускающего участие в соответствующей договорной конструкции иных лиц; сама автор обосновывает возможность рассмотрения договоров с такими лицами в числе разновидностей корпоративных соглашений [10, с. 34–35]. К. А. Миннуллина и Е. П. Татарина используют применительно к п. 9 ст. 67.2 ГК РФ понятие «квазикорпоративный договор» [4, с. 75–76]. Для целей настоящего исследования разрешение данного классификационного вопроса не является определяющим. В дальнейшем используется нейтральное обозначение «договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ», поскольку предметом анализа выступает не его место в системе договорных типов, а механизм воздействия интереса третьего лица на осуществление корпоративного права.

Для раскрытия данного механизма необходимо разграничивать договорное обязательство участника и корпоративное правоотношение, в котором осуществляется соответствующее право. К. О. Осипенко, анализируя положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [12] и Экспертного заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, обращает внимание на разграничение договорного регулирования порядка осуществления прав участников и корпоративных правил, рассчитанных на третьих лиц [5, с. 26–27]. Указанное разграничение позволяет определить правовую конструкцию п. 9 ст. 67.2 ГК РФ через взаимодействие двух самостоятельных, но функ-

ционально связанных правоотношений.

Первое возникает между третьим лицом и участником корпорации: участник принимает на себя обязанность осуществлять принадлежащее ему корпоративное право определенным образом либо воздерживаться от его осуществления. Второе представляет собой корпоративное правоотношение, в рамках которого соответствующее право реализуется его носителем. Содержание первого правоотношения тем самым обуславливает поведение участника во втором, не изменяя принадлежности корпоративного права.

Для целей настоящего исследования такое взаимодействие предлагается обозначить как «межправоотношенческое воздействие». Под ним понимается обусловленность осуществления субъективного права в одном правоотношении содержанием юридической обязанности того же субъекта, возникшей в другом правоотношении. Применительно к п. 9 ст. 67.2 ГК РФ обязательственная связь между третьим лицом и участником определяет способ осуществления права в корпоративном правоотношении, сохраняя самостоятельность обоих правоотношений.

Соответственно, договорное опосредование может быть представлено посредством следующей последовательности: охраняемый законом интерес третьего лица – договорная связь с участником – юридическая связанность участника – осуществление либо неосуществление им корпоративного права определенным образом – корпоративно-правовой результат. Интерес третьего лица в такой модели реализуется посредством поведения носителя корпоративного права, а не путем приобретения третьим лицом самого права.

Договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, не исчерпывает возможных гражданско-правовых форм юридического опосредования внешнего интереса. К. А. Миннуллина и Е. П. Татарина наряду с договорной конструкцией рассматривают и иные средства воздействия третьих лиц на осуществление корпоративных прав, в том числе связанные с залоговыми отношениями [4, с. 75]. Однако данные формы различаются характером юридической связи и интенсивностью воздействия, вследствие чего их отождествление с договорной моделью п. 9 ст. 67.2 ГК РФ не представляется обоснованным.

Таким образом, договорное опосредование интереса третьего лица состоит в возникновении гражданско-правовой связи, посредством которой интерес такого лица юридически обуславливает способ осуществления участником принадлежащего ему корпоративного права без изменения субъектной принадлежности этого права. Наличие подобной связи само по себе не означает до-

пустимости любого договорного ограничения корпоративного поведения. Определение пределов соответствующего воздействия требует учета основания, содержания и интенсивности возникшей связанности, а также требований, предъявляемых правопорядком к осуществлению корпоративных прав.

Пределы юридического опосредования интереса третьего лица

Наличие гражданско-правового основания воздействия интереса третьего лица на осуществление корпоративного права не означает допустимости любого установленного сторонами порядка корпоративного поведения. Договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, легализует возможность обусловить осуществление корпоративных прав охраняемым законом интересом третьего лица, однако соответствующая договорная связанность сохраняет действие общих начал гражданского законодательства, правил об осуществлении корпоративных прав и обязанностей участника корпорации. Действующая редакция п. 9 ст. 67.2 ГК РФ прямо допускает обязанность участника осуществлять корпоративные права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления.

Исходным основанием допустимости такой связанности выступает автономия воли участника. Согласно ст. 1 ГК РФ гражданские права приобретаются и осуществляются субъектами своей волей и в своем интересе; стороны свободны в установлении прав и обязанностей на основе договора и в определении его условий в пределах, установленных законодательством. Е. В. Богданов применительно к корпоративному договору связывает его заключение с добровольным ограничением участником свободы индивидуального осуществления субъективных корпоративных прав [1, с. 54]. Следовательно, договорная обязанность голосовать определенным образом либо воздерживаться от осуществления права сама по себе не свидетельствует об устранении автономии участника: свобода усмотрения реализуется им на стадии принятия соответствующего договорного обязательства.

В этой связи требует уточнения позиция А. А. Маркеловой, разграничивающей допустимое влияние третьего лица на мотивы корпоративного поведения и недопустимое замещение воли участника. Автор полагает, что обязанность голосовать в соответствии с указаниями третьего лица способна привести к фактической передаче права голоса [3, с. 34]. Вместе с тем сам факт юридической связанности участника не может служить достаточным критерием такого замещения, поскольку п. 9 ст. 67.2 ГК РФ непосредственно допускает

принятие обязанности голосовать определенным образом.

Для целей настоящего исследования предлагается разграничивать предварительное договорное самоограничение участника и предоставление третьему лицу возможности самостоятельно определять последующий способ осуществления корпоративного права. В первом случае модель корпоративного поведения устанавливается при заключении договора самим носителем права. Во втором содержание будущего поведения определяется последующими волеизъявлениями внешнего субъекта, что характеризуется большей интенсивностью воздействия на осуществление права. Системное сопоставление п. 2 и п. 9 ст. 67.2 ГК РФ позволяет поставить вопрос о значимости данного различия: п. 9 допускает обязанность голосовать определенным образом, тогда как п. 2 запрещает устанавливать обязанность голосовать в соответствии с указаниями органов общества. Применительно к указаниям третьих лиц такое разграничение непосредственно законом не установлено и используется в настоящем исследовании как критерий оценки интенсивности внешнего воздействия.

Применительно к договорной модели п. 9 ст. 67.2 ГК РФ самостоятельным пределом выступает сохранение за участником положения носителя корпоративного права. Третье лицо приобретает основанное на договоре требование относительно поведения участника, однако в силу одного такого соглашения не приобретает его корпоративного статуса. Поэтому юридическое опосредование интереса третьего лица в рассматриваемой модели должно отличаться от конструкций, в которых закон непосредственно допускает осуществление отдельных правомочий иным субъектом. Данный критерий относится именно к договору, предусмотренному п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, и не может без дополнительного обоснования распространяться на все гражданско-правовые формы воздействия третьих лиц на корпоративные права.

Существенным ограничителем договорной автономии является указание п. 9 ст. 67.2 ГК РФ на цель обеспечения охраняемого законом интереса третьего лица. А. А. Маркелова отмечает неопределенность содержания данной категории и связывает ее расширительное толкование с риском использования договорного механизма во вред корпорации и ее участникам [3, с. 34]. Из конструкции нормы следует, что фактическая заинтересованность третьего лица в определенном корпоративном результате сама по себе недостаточна для обоснования установленной договором связанности. Интерес должен обладать качеством, позволяющим рассматривать его в качестве признава-

емого правопорядком объекта правовой охраны. Тем самым категория охраняемого законом интереса выполняет одновременно легитимирующую и ограничительную функции: обосновывает учет интереса внешнего субъекта и определяет предел договорного воздействия на осуществление корпоративного права.

Пределы соответствующего воздействия определяются также обязанностями участника перед корпорацией. Пункт 4 ст. 65.2 ГК РФ запрещает участнику совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, а также действия или бездействие, существенно затрудняющие либо делающие невозможным достижение целей, ради которых она создана. Наличие обязательства перед третьим лицом не устраняет данных требований. А. А. Маркелова в связи с этим обращает внимание на возможность противоречия между интересом внешнего субъекта и последствиями исполнения соответствующей договорной обязанности для общества [3, с. 34]. Следовательно, интерес третьего лица не приобретает безусловного приоритета перед правовыми обязанностями, вытекающими из корпоративного статуса участника.

Общими пределами юридического опосредования выступают требования добросовестности и запрет злоупотребления правом. Статья 1 ГК РФ закрепляет обязанность действовать добросовестно при установлении и осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей, а ст. 10 ГК РФ не допускает осуществления права с намерением причинить вред, действий в обход закона с противоправной целью и иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав. Вместе с тем добросовестность не должна подменять анализ конкретной договорной конструкции. Оценке подлежат основание воздействия, содержание принятой обязанности, характер охраняемого интереса, продолжительность и объем ограничения, а также последствия исполнения договора для корпорации и иных субъектов.

Значение имеет и интенсивность внешнего воздействия. Обязанность участника совершить определенное действие применительно к отдельному корпоративному решению отличается от длительной связанности, охватывающей значительную часть его управленческих правомочий, либо от предоставления третьему лицу возможности систематически определять корпоративное поведение. К. А. Миннуллина и Е. П. Татарина рассматривают договор с кредитором по п. 9 ст. 67.2 ГК РФ в контексте средств внешнего корпоративного контроля [4, с. 75-76]. Однако наличие договорного ограничения не позволяет автоматически квалифицировать соответствующее отно-

шение как корпоративный контроль. Такая квалификация требует самостоятельного установления возможности третьего лица оказывать определяющее воздействие на корпоративное поведение участника.

Аксиологическое содержание исследуемого механизма выражается в согласовании автономии носителя корпоративного права и охраняемого законом интереса третьего лица. Свобода участника предполагает возможность добровольно связать собственное будущее корпоративное поведение, тогда как признание интереса третьего лица юридически значимым позволяет использовать договор как средство его частноправового обеспечения. Ни одно из указанных начал не обладает безусловным приоритетом. В рамках предлагаемого подхода баланс интересов рассматривается не как самостоятельный критерий допустимости воздействия, а как результат применения конкретных гражданско-правовых предписаний и принципов, определяющих пределы договорной автономии.

Таким образом, допустимость юридического опосредования интереса третьего лица определяется совокупностью взаимосвязанных обстоятельств: наличием гражданско-правового основания воздействия и охраняемого законом интереса; добровольным принятием участником соответствующей связанности; сохранением в договорной модели п. 9 ст. 67.2 ГК РФ принадлежности корпоративного права участнику; содержанием, продолжительностью и интенсивностью ограничения; соблюдением корпоративных обязанностей, требований добросовестности и запрета злоупотребления правом. Предел допустимого воздействия определяется не самим фактом связанности корпоративного поведения интересом внешнего субъекта, а юридическими характеристиками и последствиями такой связанности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что самостоятельный интерес третьего лица приобретает юридическое значение для осуществления прав участника коммерческой корпорации не в силу самого факта заинтересованности в определенном корпоративном результате, а посредством предусмотренной либо допускаемой гражданским правом юридической связи. Для характеристики данного явления в настоящем исследовании используется понятие «юридическое опосредование интереса третьего лица».

Наиболее определенной нормативной моделью такого опосредования является договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. В рамках данной конструкции субъект охраняемого законом интереса и носитель корпоративного права не совпадают: третье лицо приобретает основанное

на договоре требование относительно поведения участника, тогда как корпоративное право сохраняется за последним. Взаимодействие обязательственного правоотношения между третьим лицом и участником с корпоративным правоотношением, в котором осуществляется соответствующее право, обозначено в исследовании как межправоотношенческое воздействие.

Договорная связанность участника сама по себе не свидетельствует о переходе корпоративного права к третьему лицу либо об устранении самостоятельности его носителя. В связи с этим предложено разграничивать предварительное добровольное самоограничение участника, осуществляемое при принятии договорного обязательства, и более интенсивное воздействие, при котором третьему лицу предоставляется возможность самостоятельно определять последующий способ осуществления корпоративного права. Последняя модель требует самостоятельной оценки с учетом содержания и пределов соответствующей юридической связанности.

Допустимость юридического опосредования интереса третьего лица определяется совокупностью взаимосвязанных критериев: наличием гражданско-правового основания воздействия и охраняемого законом интереса; добровольным принятием участником соответствующего обязательства; сохранением принадлежности корпоративного права его носителю в договорной модели п. 9 ст. 67.2 ГК РФ; содержанием, продолжительностью и интенсивностью ограничения; соблюдением корпоративных обязанностей, требований добросовестности и запрета злоупотребления правом. Тем самым предел допустимого воздействия устанавливается не самим фактом учета интереса внешнего субъекта, а юридическими характеристиками и последствиями его опосредования.

Такое понимание позволяет разграничить юридически значимое влияние интересов третьих лиц, фактическое воздействие на корпоративное поведение, переход корпоративного права и отношения корпоративного контроля и создает основу для дальнейшего исследования иных гражданско-правовых форм опосредования интересов третьих лиц при осуществлении прав участников коммерческих корпораций.

Список литературы:

- [1] Богданов Е. В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 7. С. 54–60.
- [2] Долинская В. В. Корпоративный договор // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 2.

С. 10–19.

[3] Маркелова А. А. Проблемы участия третьих лиц в корпоративном договоре // *Российское право: образование, практика, наука*. 2016. № 4 (94). С. 33–35.

[4] Миннуллина К. А., Татаринова Е. П. Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ защиты прав кредиторов // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2021. № 6 (237). С. 74–79.

[5] Осипенко К. О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 176 с.

[6] Пономаренко И. Е. К вопросу о сущности правового интереса // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 95–100.

[7] Романов А. Ю. К вопросу о понятии интереса (правовой аспект) // *Вопросы экономики и права*. 2013. № 11. С. 19–23.

[8] Самойлов И. А. Формы реализации корпоративных прав участников коммерческих корпораций: история, противоречия сегодняшнего дня, перспективы развития // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 166–180.

[9] Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Корпоративные правоотношения в гражданском законодательстве: десять лет спустя // *Гражданское право*. 2022. № 6. С. 3–13.

[10] Чиркова Е. А. Практика заключения корпоративных договоров с участием лиц, не являющихся участниками корпорации // *Вестник арбитражной практики*. 2019. № 5. С. 34–41.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

[12] «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // «Вестник ВАС РФ», № 11, ноябрь, 2009.

References:

- [1] Bogdanov E. V. Corporate Agreement as an Arrangement for the Collective Exercise (or Non-Exercise) of Subjective Corporate Rights // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2015. No. 7. pp. 54–60.
- [2] Dolinskaya V. V. Corporate Agreement // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2016. No. 2. pp. 10–19.
- [3] Markelova A. A. Issues Regarding the

Participation of Third Parties in a Corporate Agreement // Russian Law: Education, Practice, Science. 2016. No. 4 (94). pp. 33–35.

[4] Minnullina K. A., Tatarinova E. P. Quasi-Corporate Agreement as an Extraordinary Means of Protecting Creditors' Rights // Property Relations in the Russian Federation. 2021. No. 6 (237). pp. 74–79.

[5] Osipenko K. O. Agreement on the Exercise of Rights of Participants in Business Entities under Russian and English Law. Moscow: Infotropic Media, 2016. 176 p.

[6] Ponomarenko I. E. On the Nature of Legal Interest // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2018. Vol. 18. No. 3. pp. 95–100.

[7] Romanov A. Yu. On the Concept of Interest (Legal Aspect) // Issues of Economics and Law. 2013. No. 11. pp. 19–23.

[8] Samoylov I. A. Forms of Exercising Corporate Rights by Participants in Commercial Corporations: History, Current Contradictions, and

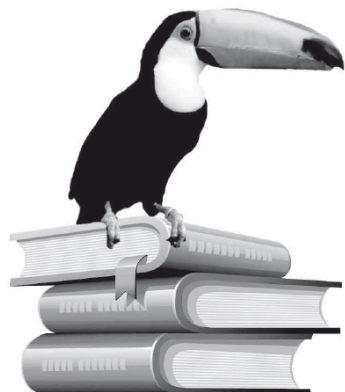
Prospects for Development // RUDN Journal of Law. 2023. Vol. 27. No. 1. pp. 166–180.

[9] Filippova S. Yu., Shitkina I. S. Corporate Legal Relations in Civil Legislation: Ten Years Later // Civil Law. 2022. No. 6. pp. 3–13.

[10] Chirkova E. A. Practice of Concluding Corporate Agreements Involving Persons Who Are Not Participants in the Corporation // Bulletin of Arbitration Practice. 2019. No. 5. pp. 34–41.

[11] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. No. 32. Art. 3301.

[12] "Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation" (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation, dated October 7, 2009) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 11, November 2009.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.